

הרב עדין אבן ישראל שטיינזלץ

מדריך לתלמוד

РАВВИН АДИН ЭВЕН-ИСПРАЭЛЬ

▫ (ШТЕЙНЗАЛЬЦ) ▫

ВВЕДЕНИЕ В ТАЛМУД

Перевод с иврита и английского
ЗЕЭВА МЕШКОВА

ЛЕХАИМ

{КНИЖНИКИ}

Steinsaltz Center
Let My People Know

МОСКВА
5778/2018

Главный редактор БОРУХ ГОРИН
Ответственный за выпуск ЯКОВ РАТНЕР
Переводчик ЗЕЭВ МЕШКОВ
Научный редактор УРИ ГЕРШОВИЧ
Координатор ФАИНА ЧЕРНЫШЕВА
Ответственный редактор ВИКТОРИЯ РЯБЦЕВА
Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
Корректоры ЭММА ШАХТЕНКО, ЛИДИЯ АВДЕЕВА
Компьютерная верстка КОНСТАНТИН МОСКАЛЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
---------------------	---

ЧТО ТАКОЕ ТАЛМУД?

Тора и Талмуд	11
Мишна и Талмуд	12
Диалектика Талмуда	12
Духовные основания Талмуда	13
Принципы талмудического спора	14
Структура Талмуда	15
Агада в Талмуде	16
Составление Талмуда	17

Часть первая

ИСТОРИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ	Жизнь в талмудический период	21
ГЛАВА ВТОРАЯ	Места поселения евреев	36
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	Поколения <i>танаев</i> и <i>амораев</i>	42

Часть вторая

СТРУКТУРА ТАЛМУДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ	Разделы <i>Мишны</i> и Талмуда	51
ГЛАВА ВТОРАЯ	Лист Талмуда	71
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	Другие комментарии и дополнения	79

Часть третья

ЯЗЫК

ГЛАВА ПЕРВАЯ	Арамейский язык	87
ГЛАВА ВТОРАЯ	Словарь основных слов	102

Часть четвертая
ХОД РАССУЖДЕНИЙ В ТАЛМУДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	Изучение Талмуда: рекомендации	107
ГЛАВА ВТОРАЯ	Основные положения и проблемы	111
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	Общие правила в высказываниях <i>аморав</i>	113
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	Правила прочтения <i>Мишны</i> и ее язык	118
ГЛАВА ПЯТАЯ	Терминология Талмуда	127
ГЛАВА ШЕСТАЯ	Правила толкования Торы	200

Часть пятая
ГЛАХА: ПРИНЦИПЫ И ТЕРМИНЫ

.	217
-----------	-----

ДОПОЛНЕНИЯ

Меры и единицы измерений в Талмуде.	427
Правила вывода <i>ѓалахи</i>	443
Шрифт Раши	448
Сокращения	450
Указатели.	463

ОТ АВТОРА

Настоящая книга представляет собой практическое и теоретическое пособие для изучения Талмуда. Это первая книга из серии изданий, посвященных переводу Талмуда и комментариям к нему.

Талмуд — одна из основ еврейской культуры. Вместе с тем Талмуд на протяжении тысячелетий оказывал и продолжает оказывать огромное влияние на мировую культуру: идеи Талмуда прослеживаются в христианстве, исламе, а также во многих течениях современной философии. Изучение же самого Талмуда в силу его специфической структуры, особой терминологии и способов изложения крайне осложнено, и поэтому он был доступен лишь немногим.

«Введение в Талмуд» является первой попыткой дать русскоязычному читателю представление об этом важном источнике.

Издание этой книги в России стало возможным в результате глубоких изменений, происшедших в последние годы в бывшем Советском Союзе и позволивших претворить в жизнь самые смелые мечты. Мне посчастливилось быть участником этих перемен, особенно в области еврейской жизни и культуры, и я верю, что, несмотря на все трудности и проблемы сегодняшней жизни, будущее оправдает наши надежды.

Я надеюсь, что эта книга позволит читателям-евреям лучше узнать самих себя, постичь свои духовные корни и, кроме того, даст возможность всем русскоязычным читателям познакомиться с далекой и одновременно близкой традицией и таким образом обогатить свое понимание культуры в целом.

С глубоким уважением и надеждой,

Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц)

Что такое Талмуд?

ТОРА И ТАЛМУД

Если Тора¹ представляет собой фундамент иудаизма, то Талмуд является основой духовной и интеллектуальной жизни иудеев. В широком смысле Талмуд состоит из двух элементов: из *Мишны*, то есть первого записанного свода Устной Торы², и из *Гемары*, которая представляет собой объяснение *Мишны* и комментариев к ней (в узком смысле слова Талмуд — это и есть *Гемара*). Хотя юридическая и практическая польза Талмуда очевидна, не так просто понять, почему он занимает в иудаизме центральное место и обладает столь высокой значимостью. Чтобы понять и оценить значение Талмуда, необходимо иметь ясное представление об уникальном еврейском подходе к изучению Торы, важной частью которого является как раз изучение Талмуда.

Изучение Торы, то есть Письменного и Устного Закона³, иногда понимается как инструмент для освоения принципов, необходимых для исполнения заповедей. Согласно этому представлению, поскольку Письменная Тора содержит законы и заповеди (*мицвот*), нюансы исполнения которых не вполне ясны, необходимо развернутое объяснение и пояснение того, как их исполнять.

Однако в действительности такое представление об изучении Торы не передает ее глубинной сущности и нуждается в прояснении. Так, например, оно не объясняет, почему в иудаизме возникло столь трепетное почитание изучения Торы и тех, кто ее изучает, свидетельства чему можно найти повсеместно в талмудической литературе: «И все желанное не сравнится с ней» (*Мишлей*, 8:11)... Даже желаемое Небом не сравнится с ней [с Торой]! (Вавилонский Талмуд, *Мозд катан*, 9б). «Вот дела, плодами которых человек наслаждается в этом мире, а награда ждет его в Мире грядущем: почтение к отцу и матери, оказание милосердия, примирение двух поссорившихся, а изучение Торы равно всем этим делам, вместе взятым» (*Мишна*, *Пеа*, 1:1).

Сказать, что изучение Торы равно всем этим делам, вместе взятым, — значит утверждать, что оно превосходит исполнение любой заповеди. Изучение Торы имеет самостоятельную ценность, которая больше простой рачительности в соблюдении заповеди. Если предположить, что Тора — это только средство для понимания того, как совершать заповеди, то каким образом ее изучение может иметь большее значение, чем само совершение заповедей?

Этот парадокс показывает, что в действительности Тору и ее изучение необходимо рассматривать не только как совокупность законов, но и в ином ракурсе. Корень слова «Тора» связан со значением «учение». Это учение о том пути, которому нужно следовать, и она действительно является своеобразным путеводителем по соблюдению заповедей. Однако Тора является чем-то большим. Это обширный свод знаний, в котором выражаются все представления иудаизма о том, что существует в мире. Любой предмет рассматривается сквозь призму Торы, а Тора учит, как его понимать, как к нему относиться и как с ним взаимодействовать. Поэтому неважно, идет ли речь о конкретном и практическом или же об абстрактном и духовном, о потребностях реальной жизни или же об умозрении, не имеющем практического применения, все, что так или иначе относится к мировоззрению иудаизма, относится и к Торе. И в Торе на самом деле обсуждаются все эти вопросы.

Установление закона (*Галахи*) и разъяснение путей исполнения заповедей являются лишь одной стороной Торы. Вместе с тем она направлена на выяснение сущности вещей в каждой жизненной сфере. Она включает в себя не только окру-

¹ В данном случае имеется в виду Писание в целом, то есть Танах — Тора, Невшим, Ктувим. — Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.

² Согласно представлениям мудрецов Талмуда, Моше получил на горе Синай не только Письменную Тору, но и Устную, являющуюся разъяснением Письменной. Устную Тору передавали из поколения в поколение, и существовал запрет на ее запись. Этот запрет был нарушен в 220 г. н.э., когда рабби Йеѓуда га-Наси составил *Мишну*.

³ Изучение Торы (*талмуд тора*) — одна из главных заповедей, которую обязан выполнять каждый достигший совершеннолетия мужчина. Далее в этой главе термин «Тора» используется в широком значении, то есть как совокупность Письменной и Устной Торы.

жающий мир, но и то, что лежит за его пределами. Таким образом, основная цель изучения Торы состоит не только в том, чтобы исследовать заповеди и приходиться к конкретным выводам по поводу их исполнения, а в том, чтобы предоставить всеобъемлющее мировоззрение, в котором выражалось бы необходимое отношение ко всем элементам Творения в их взаимосвязи. Такое понимание сущности и значения Торы позволяет понять и оценить роль той ее части, которая называется Талмудом.

МИШНА И ТАЛМУД

Мишна, составленная на основе высказываний мудрецов, называемых *танаями*¹, написана очень лаконичным, выверенным языком, сложные положения сформулированы в краткой форме. И хотя язык *Мишны* как таковой достаточно ясен, рассмотрение не охватывает все возможные случаи, поэтому возникают проблемы и разночтения, решение которых нельзя найти в самой *Мишне*. В течение трех веков (ок. 200–500 гг. н. э.) после составления *Мишны* новое поколение мудрецов, *амораи*², и их ученики обсуждали и анализировали *Мишну*. Талмуд состоит из их вопросов, обсуждений и предлагаемых решений.

Поскольку *Мишна* задается вопросами, связанными с законом (*Галахой*), многие вопросы и проблемы, возникающие при изучении *Мишны*, также носят галахический характер. И тем не менее разрешение галахических споров не является основной целью Талмуда. Галахические правила и применение законов Торы вторичны по сравнению с поиском стоящей за ними истины. Назначение Талмуда не исчерпывается практическим смыслом, его цель — поиск истины.

Поэтому неважно, будет ли рассматриваемая тема носить практический или теоретический характер, неважно, будут ли обретенные путем анализа выводы иметь практическую выгоду или останутся абстрактным, умозрительным достижением. Цель Талмуда состоит в отыскании особой связи Торы с любой рассматриваемой темой, будь то юридические, ритуальные, исторические, философские или относящиеся к любой другой области вопросы. Талмуд стремится к истине.

Этим объясняется тот факт, что в Талмуде одинаковое значение придается изучению как практических, так и теоретических вопросов. А также изучаются как мнения, которые приняты в качестве законодательных, так и те, что были отвергнуты и не имеют обязательной силы. Поскольку задача состоит в том, чтобы прийти к истине, неважно, практическая сторона дела не является определяющей. Многие вопросы, а может, и большинство из них не имеют практического смысла. Так, например, вопрос об авторстве того или иного высказывания в *Мишне* не имеет практического значения, но тем не менее это остается важным предметом рассмотрения в Талмуде.

ДИАЛЕКТИКА ТАЛМУДА

После того как мы выяснили, что Талмуд интересует не одна лишь практическая польза, становится понятной еще одна его особенная черта, которая может смутить того, кто знакомится с ним, а именно талмудический спор. Уникальность талмудического спора состоит в том, что ничто не принимается как само собой разумеющееся. Неудовлетворенность аргументацией, ее педантичная проверка и перепроверка намного превосходят те, что известны нам по обычным спорам. Спор направлен на то, чтобы с наибольшей точностью выверить доказательство, отбро-

¹
Тана (טנא) — арамейский аналог ивритского шана (שנה) — «повторять», слово *мишна* является производным от этого корня.

²
От глагола *амар* (אמר) — «говорить» (ивр. и араб.).

сить неподходящие свидетельства и достичь существа проблемы. Диалектический характер изошренных определений часто превосходит обыденные практические стандарты. В том случае, когда целью исследования является истина как таковая, привлекаются тончайшие инструменты, чтобы разложить рассматриваемое на составные части, удостовериться в верности умозаключений, провести различие между похожими случаями и достичь верного понимания всех вопросов. Поэтому любое доказательство, которое могло бы показаться очевидным, может быть отвергнуто из-за того, что найден пусть даже незначительный порок в аргументации. Допускаются только те доказательства, которые выдерживают логику и не могут быть опровергнуты.

Талмудический спор сравним с исследованием в точных науках, более всего талмудическое рассмотрение похоже на математику. Если разыскивается истина, то нельзя полагаться на неточные расчеты или неубедительное доказательство. Доказательство должно быть проведено шаг за шагом, а его выводы должны быть неоспоримыми. Никакое общее размышление не принимается, пока не доказана его полная непротиворечивость. Авторитет Талмуда обеспечивается строгим методом отыскания истины, имеющей отношение к Торе в целом, то есть имеющей отношение ко всем существующим в мире темам, независимо от того, принадлежат они материальной области или духовной.

Приступая к изучению Талмуда, необходимо почувствовать и усвоить его атмосферу. Нужно обдумывать каждый предмет не с точки зрения внешней ценности или практической пользы, а с точки зрения его внутренней значимости, которая и должна обеспечить настоящее понимание.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТАЛМУДА

Хотя в Талмуде собраны очень разнообразные темы и сюжеты относительно разных аспектов иудаизма и жизни в целом, — среди прочего в нем встречаются сведения о медицине, советы по ведению торговых дел, случаи из жизни, анализ исторических событий, — при этом он построен на внутренне цельном фундаменте, которым является *Мишна*.

Выше уже говорилось, что основой Талмуда является *Мишна* и что Талмуд в первую очередь представляет собой пояснение *Мишны* и дальнейшее рассуждение по поводу сказанного в ней. Талмуд построен вокруг *Мишны* и представляет собой ее толкование и анализ. Но *Мишна* служит не только организующим каркасом для Талмуда, она задает мировоззренческое и концептуальное направление приводимых в Талмуде рассуждений. Все предписания и законы формулируются в согласии с *Мишной*, она — источник всякого галахического постановления. В любом споре есть факторы и предпосылки, делающие его легитимным и определяющие его развитие, — они также восходят к *Мишне*.

Высказывания *Мишны* принимаются как неоспоримые аксиомы. В Талмуде обсуждаются взаимосвязи и сходства рассматриваемых тем, заостряются отдельные проблемы и снимаются кажущиеся противоречия, однако с самой *Мишной* никто не спорит. *Мишна* воспринимается как первоисточник, подкрепляющий выводы, с ней эти выводы сверяют, ею поверяют любые выдвинутые предположения, на ее высказываниях основывают доказательства в спорах.

Такой статус установлен не только для *Мишны*, его имеют и высказывания *танаев*, собранные в *Тосефте*¹, сборниках галахических *мидрашей*², а также отдельные *барайты*³.

¹ *Тосефта* (букв. «добавление», «дополнение») — сборник, повторяющий структуры *Мишны* и примерно в четыре раза превышающий ее по объему; составлен, согласно традиционному мнению, рабби Хией и рабби Ошайей (см.: ниже).

² Галахические *мидраши* или *мидраши танаев* — общее название для сборников толкований на книги *Шмот*, *Ваикра*, *Бемидбар* и *Дварим*, составленные в III в. н. э. (окончательная редакция этих сборников, по мнению некоторых исследователей, относится к более позднему периоду).

³ *Барайта* (букв. «внешняя») — так называются высказывания *танаев*, не вошедшие в *Мишну*. Иногда так называют все множество подобных высказываний.

ПРИНЦИПЫ ТАЛМУДИЧЕСКОГО СПОРА

Ранее уже говорилось о том, что *Мишна* — это фундамент Талмуда. Рассмотрение *Мишны* в Талмуде подчинено определенным стандартным правилам. Если не понимать основных принципов, на которых основано рассмотрение, то Талмуд покажется непроходимым лабиринтом.

Первый принцип талмудического изучения *Мишны* был уже упомянут ранее. *Мишна* и учение ранних *амораев* принимаются как неопровержимые и неизменные. Они обладают авторитетом не потому, что являются выражением мнения этих мудрецов (*танаев* и ранних *амораев*), а в силу того факта, что передают то, что было установлено благодаря Божественному откровению¹.

¹ Как уже говорилось выше, согласно мудрецам Талмуда, Моше получил во время Откровения на горе Синай не только Письменную Тору, но и Устную.

Второй принцип — это представление о том, что каждое слово *Мишны*, сказанное *танаями* или *амораями*, было взвешено и точно выверено, так же как и каждое из описываемых их действий, а, значит, на этом основании можно делать далеко идущие выводы. Постановления извлекаются не только из формулировок *Мишны*, но также из особенного употребления языка, из выражений, которые не были использованы, хотя могли бы быть уместными, а также из последовательности упоминаемых случаев. Все эти элементы характерны для талмудического умозаключения. Основополагающая идея состоит в том, что настоящий мудрец — это личность, воплощающая в себе совершенство в целом, а не только высокий интеллектуальный уровень. Мудрец такого типа олицетворяет собой слово Божье, данное посредством откровения в Торе. Более того, его поведению, а также любому его высказыванию присущи абсолютная точность и Божественное вдохновение, поэтому оно служит источником для галахических постановлений, имеющих силу закона. «Даже обыденная беседа ученых мужей должна стать предметом тщательного изучения» (*Авода зара*, 19б).

Третий принцип заключается в том, что существует нечто общее и разделяемое всеми основание для всех мнений, выраженных в *Мишне*. Поэтому, пытаясь понять утверждения *танаев* или *амораев*, нужно искать те идеи, которые бы примирили две позиции, а не разделили их. Многие из самых скрупулезных обсуждений и значимых вопросов в Талмуде происходят из желания найти общее, устранить различия. Цель состоит не в том, чтобы подчеркнуть расхождение во мнениях и основоположениях, создавая тем самым обособленные группы и направления, но в том, чтобы раскрыть родство между различными мнениями, выявляя общее и единое для них. Этот принцип выражен двумя стратегиями. Во-первых, различая источники, Талмуд стремится как можно более точно определить предмет разногласия спорящих сторон и свести указанное разногласие к минимуму. В результате дискуссии приходят к выводу, что разница состоит в чрезвычайно тонком моменте, который можно трактовать по-разному. Во-вторых, Талмуд стремится показать, что утверждения *Мишны* или *амораев* не стоит рассматривать в соответствии с каким-то обособленным мнением одного из мудрецов, но в согласии со всеми мнениями. И лишь в особых случаях некоторые мнения распределяются в соответствии с существующими предшествующими противоборствующими подходами.

Четвертый принцип: все, что есть в тексте, имеет свое значение и смысл. Исключено повторение уже сказанного. Не высказывается то, что можно попросту логически вывести из известных фактов. Всем известные факты не упоминаются,

если в них нет какого-то дополнительного аспекта. Тавтологии, которые бросаются в глаза, вызывают следующий вопрос: «Это же очевидно, чему же нас это учит?» Ответ обычно такой: «Это рассмотрение было необходимо, потому что...» Тем самым доказывается, что кажущееся избыточным высказывание на самом деле было важным и необходимым. В Талмуде особые обстоятельства, вызвавшие повторения, объясняются. С другой стороны, показывается, что если не придавать значения, например, необычному словоупотреблению, то можно прийти к ложному умозаключению.

Подобные вопросы возникают и в тех случаях, когда споры между *амораями* кажутся простым повторением подобных споров между *танаями*. Когда высказывается предположение, что дискуссия *аморав* подобна обсуждению *танаев*, Талмуд всячески пытается его отвергнуть, старается показать, что споры между *амораями* не повторяют споров *танаев*, выявляет тонкие различия между ними.

Стоит подытожить основные принципы, которые служат своего рода аксиоматической системой для талмудического рассуждения:

1. *Мишнайт* и другие утверждения *танаев* представляют собой исходный материал для талмудического исследования истины.
2. Источники носят точный, выверенный характер и безошибочны даже в самых мелких деталях.
3. Следует искать то общее, что объединяет различные мнения.
4. Все утверждения в текстах источников имеют самостоятельное значение и не повторяют друг друга.

СТРУКТУРА ТАЛМУДА

На первый взгляд может показаться, что Талмуд не обладает внутренней структурой. Такое впечатление создается из-за того, что построение Талмуда не похоже на организацию известных нам типов книг, предназначенных для обучения. Принцип построения текста Талмуда не соответствует какой-либо определенной системе и не считается с общепринятыми правилами педагогики. Материал в нем не располагается по принципу перехода от простого к сложному или от общего к частному. Тем не менее Талмуду присуща внутренняя упорядоченность, хотя форма ее и отличается от привычной. Большинство учебников, так или иначе, посвящены узким, специальным темам, для которых относительно просто найти адекватную структуру изложения. Тематика Талмуда, напротив, максимально широка — раскрытие сущности всех вещей с точки зрения Торы, поэтому Талмуд подобен самой жизни, которая не имеет внешних упорядочивающих признаков, а характеризуется внутренней сущностной связью самых различных аспектов Творения. Порядок организации Талмуда можно назвать ассоциативным. Веками материал, легший в основу Талмуда, запоминался и передавался устно. Идеи соединяются друг с другом внутренними отсылками, так что порядок часто отражает необходимость облегчить запоминание. Талмудическое рассмотрение переходит от одного предмета к связанному с ним или к какому-то другому предмету, который ассоциативно отсылает к первому.

Конечно, существует ряд черт, характерных для способа изложения тем в Талмуде. Во-первых, практически никогда в начале рассмотрения темы в *Гемаре* не приводятся подробные определения, большинство используемых понятий остаются без определения, предполагается, что они известны тому, кто приступает к изучению Талмуда. Тот, кому не удастся тем или иным образом уловить атмосферу талмудиче-

ского учения и овладеть основными понятиями, навряд ли сможет понять что-либо в обсуждениях *Гемары*.

Вторая отличительная черта состоит в том, что тематический порядок определяется вопросами, которые та или иная тема порождает. Начинаются трактаты обычно несколько неожиданным введением, в котором намеренно подчеркиваются вторичные детали обсуждаемой темы, и только после этого дискуссия возвращается к сущности предмета. *Гемара* всегда начинает с объяснения фрагмента *Мишны* (внутренняя структура которой также основана на указанных выше принципах), а затем переходит к рассмотрению тем, связанных с затронутыми в соответствующем фрагменте. Также цитируются и анализируются параллельные источники, в которых рассматривается те же темы. Иногда тот или иной из привлекаемых источников подробно рассматривается сам по себе. Часто рассуждение в Талмуде свободно переходит от одного предмета рассмотрения к другому по принципу ассоциации. После того как цитируется высказывание того или иного мудреца, могут последовать цитаты других его высказываний. Поэтому обсуждения в Талмуде могут значительно отклоняться от первоначально рассматриваемой темы. Порой в обсуждениях такого рода внимание может переходить от темы к теме, так что в итоге разговор полностью отвлекается от первоначальной проблемы. Однако в итоге дискуссия не только возвращается к началу, но сам ход рассмотрения с любыми отступлениями также внутренне связан с темой, иногда эта связь оказывается чрезвычайно тонкой, иногда, напротив, очевидной. Взаимосвязь предметов и обсуждений никогда не является просто чем-то чрезмерным или излишним, а отступления, какими бы отдаленными они ни были, вносят свой вклад в понимание проблемы.

АГАДА В ТАЛМУДЕ

Дать определение талмудической *Агаде*¹ трудно. Как правило, к *Агаде* относят все те фрагменты Талмуда, которые не носят галахического характера и поэтому не могут быть сформулированы в виде однозначного постановления. Таким образом, *Агада* включает в себя теологические и философские дискуссии, рассказы из жизни, этические наставления и другие подобные высказывания. *Агада* не является однородным жанром.

Вместе с тем порой сложно однозначно отделить *галаху* от *агады*, зачастую они так тесно переплетены, что сложно понять, где кончается *агада* и начинается *галаха*. Их методы и приемы так схожи, что переход от одного жанра к другому часто происходит незаметно. Нет никаких указаний на этот переход, ведь предмет рассмотрения Талмуда — мир в целом, что включает как обсуждение обязанностей и предписаний, то есть *галаху*, так и рассуждения, которые напрямую не касаются этих обязанностей, то есть *агаду*.

Галахические и агадические фрагменты Талмуда не противопоставляются, но дополняют друг друга. Если вопрос касается нормативной стороны поведения, тогда основным в трактате будет галахический способ рассуждения. Если в трактате говорится об этических и духовных аспектах, то агадическая часть будет, соответственно, больше. Так, например, *агада* преобладает в таких трактатах, как *Брахот* и *Сота*, и практически отсутствует в трактате *Эрувин*. Это легко объяснимо, поскольку темы, рассматриваемые в трактате *Брахот*, относятся к вопросам морали и религии. То же самое относится и к трактату *Сота*, в котором речь идет о религиозных и моральных сторонах супружеской измены. В трактате *Эрувин*, напротив, размышления о морали и религии не занимают центрального места, поэтому в нем преобладает *галаха*.

¹ Слово «агада» происходит от глагола להגיד — «говорить», «рассказывать».

Даже если агадические фрагменты не связаны напрямую с темой трактата, как это часто бывает, все равно можно обнаружить скрытую связь между агадическими и галахическими пассажами с точки зрения их отношения к основной теме трактата.

СОСТАВЛЕНИЕ ТАЛМУДА

Многие трудности, с которыми сталкивается изучающий Талмуд, вызваны особой структурой текста, которая в свою очередь отражает процесс его составления. Хотя исторических свидетельств о том, как составлялся Талмуд, не так уж много, но на основе дошедшей до нас информации, например посланий рава Шриры Гаона¹, можно восстановить картину работы над записью Устной Торы. Мудрецы Талмуда собирались в установленное время в течение года или же встречались в силу тех или иных обстоятельств. Дискуссии мудрецов, обсуждения и споры на таких собраниях и встречах, а также их поведение и есть, собственно, материал Талмуда. Этот материал заучивался наизусть, лишь изредка делались краткие заметки. Мудрец должен был во всех деталях и подробностях владеть текстом Торы и знать *Мишну* целиком. Только тот ученый муж, который владел обоими текстами, считался достаточно образованным, чтобы быть допущенным к дальнейшему углубленному аналитическому изучению различных аспектов Торы, т. е. к Талмуду.

Таким образом, талмудическое учение — это обучение на более глубоком уровне или более глубокая степень детализации. Основанием этого обучения была *Мишна*, зафиксированные в ней утверждения были фундаментом для углубленного понимания галахических выводов и Торы в целом. Каждый отрывок *Мишны* вызывал ряд традиционных вопросов. Например, согласно какой школе трактуется данное утверждение или данный параграф. Иногда ответ был очевиден для любого, кто обладал достаточной степенью подготовленности. В таком случае имя автора вопроса, как и автора ответа, не упоминалось, а фиксировалось в качестве общего вклада всех мудрецов. Иногда поднимались и более сложные вопросы, ответы на которые также становились общим достоянием, каждый из мудрецов по мере сил старался привнести что-то в решение подобных вопросов. Некоторые из вопросов оставались открытыми, и над ними ломали голову мудрецы последующих поколений, не находя удовлетворительного ответа. Подобно этому, в науке часто встречаются проблемы, десятилетиями ожидающие своего решения несмотря на усилия, прикладываемые для их разрешения. В Талмуде есть примеры того, как какому-нибудь одному мудрецу удавалось найти решение проблемы, после того как несколько поколений подряд раздумывали над ней. В таком случае в дальнейшем само решение передавалось от его имени, сохраняясь в Талмуде как открытие этого мудреца.

Так передавались галахические умозаключения разных мудрецов. Наряду с высказываниями, часто повторявшимися во время публичных обсуждений при большом стечении народа, и потому все хорошо помнили, от чьего имени они передаются, встречались и такие, авторство которых сохранялось как знание, передаваемое по традиции среди немногих мудрецов.

Таким образом, Талмуд составлялся несколькими поколениями мудрецов. Решения вопросов, которые атрибутировались всему сообществу либо передавались от лица конкретного мудреца, становились частью познаний каждого ученого мужа. Необходимо было держать в памяти те проблемы, которые обсуждались в связи с определенными фрагментами *Мишны*, а также соответствующие решения. Вопросы, ответы и сопровождающее их обсуждение передавались из поколения в поколение. Затем возникали новые вопросы и также передавались последующему поколению, как и предыдущие.

¹ Гаон — титул выдающихся мудрецов, проживавших на территории Персии после завершения Талмуда (VII в. — начало XI в.). — *Примеч. перев.*

Текст Талмуда, имеющийся в нашем распоряжении, представляет собой как бы застывший снимок состояния знания конкретного поколения в процессе живого обсуждения. В конце IV в. н. э. рав Аши решил, что необходимо собрать и систематизировать известную *ѓалаху* и *агаду*, чтобы они не были забыты, и придать окончательную форму тексту Талмуда¹.

Все вопросы, дискуссии, ответы, принадлежавшие поколению рава Аши, а также работа предыдущих поколений были записаны для потомков. Таким образом, текст Талмуда представляет собой живую беседу мудрецов. Диалоги и споры проникнуты спонтанностью непосредственного разговора вместе с чрезвычайной внимательностью к обсуждаемым темам. Сила живого слова ощущается на каждой странице.

¹ В Вавилонском Талмуде говорится, что Рабби и р. Натан завершили *Мишну*, а рав Аши и Равина завершили *ѓораа* (*Бава мециа*, 86а). Слово «*ѓораа*» (גְּרָאָה) означает «указание», и обычно имеется в виду галахическое указание. Принято считать, что в данном контексте подразумевается Талмуд в целом. Кроме того, в трактате *Бава батра* (157б) говорится о двух редактурах рава Аши. Вот что пишет по этому поводу р. Шрира Гаон: «И рав Аши руководил академией почти шестьдесят лет... он просматривал свое учение (*талмудей*) в течение 30 лет. А поскольку рав Аши председательствовал почти 60 лет, у него было два издания (*маг+адурей*). И он умер в 424 г. <...> И в среду, 13 *кислева* 499 г., умер Равина, сын рава Гуны, и он завершил *ѓораа*» (Послание Шриры Гаона, с. 93–95). Мнение исследователей не совпадает с традиционным, некоторые считают, что процесс редакции Вавилонского Талмуда продолжался вплоть до VIII в.

Часть первая

**ИСТОРИЧЕСКИЙ,
СОЦИАЛЬНЫЙ
И КУЛЬТУРНЫЙ
ФОН**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жизнь в талмудический период

Большинство из обсуждаемых вопросов в Талмуде носят абстрактный характер и не отсылают к конкретному периоду или специфическому жизненному укладу. Тем не менее Талмуд тесно связан с обыденной жизнью, так как вопросы, которые поднимаются в талмудических спорах, а также галахические прения часто вызывались повседневными проблемами. Часто в Талмуде упоминаются исторические события и происшествия, на фоне которых происходят талмудические обсуждения или взаимодействия между людьми. Данный раздел освещает некоторые стороны исторических реалий, в рамках которых составлялся Талмуд и которые непосредственно связаны с этим процессом.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Практически в течение всего того времени, когда велась работа над составлением *Мишны* и *Гемары* (приблизительно 30 г. до н.э. — 500 г. н.э.¹), Израиль находился под властью Рима. Римское господство и проблемы, возникающие в еврейском сообществе в связи с римским правлением и его наместниками, являются существенным элементом исторического фона. С государственно-политической точки зрения периоды *Мишны* (30–200 г. н.э.) и Талмуда (200–500 г. н.э.) совпадают с двумя отдельными периодами римского господства, поэтому их следует рассматривать отдельно друг от друга.

Период *Мишны* совпадает с периодом расцвета Римской империи. Во главе империи стоят сильные личности, способные крепко держать бразды правления, их авторитет распространяется на всю империю. Внутри империи успешно поддерживается порядок, эта эра относительного спокойствия известна под названием «Августов мир», или *Pax Romana*. Вместе с тем сохраняется постоянное напряжение между евреями, живущими в Земле Израиля, и римлянами. Во время непродолжительных мирных периодов произошли такие важнейшие события, как перестройка Храма Иродом Великим, поддержка еврейского населения царем Иудеи Агриппой II, правнуком Ирода, и завершение работы над текстом *Мишны* рабби Йеѓудой га-Наси. Но большую часть времени отношения с властями оставались крайне напряженными. Ключевыми событиями стали столкновения народа с домом Ирода, римскими прокураторами Иудеи, восстание, завершившееся разрушением Храма (70 г. н.э.), целый ряд восстаний, последовавших за его разрушением, Иудейские войны и, наконец, восстание Бар-Кохбы (132–135 гг. н.э.), поражение которого привело к опустошению Иудеи и перемещению духовных центров в Галилею.

Начало периода *Гемары* (приблизительно 200 г. н.э.) совпадает с началом периода ослабления Римской империи. Центральная власть была разобщена, что привело к периодам безвластия, войнам между претендентами на престол и упадку экономики. Одновременно с этим набирает силу христианство, которое к концу рассматриваемого периода становится официальной государственной религией Римской империи. В то же время возрастает давление властей на еврейские поселения в Земле Израиля. Для поддержания господства империи власть ввела неподъемные налоги на население, что сильно пошатнуло экономику. Иногда мудрецы даже разрешали работать в субботний год², чтобы хоть как-то ослабить налоговое бремя. Пребывание в Земле Израиля перестало быть безопасным. А в конце периода

ЗЕМЛЯ ИЗРАИЛЯ
(ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ)

¹ См. выше примеч. 2 на с. 18.

² См. Седьмой год, с. 395.